

БРЯЧЕСЛАВ ГАЛИМОВ

ВОКРУГ ТЮДОРОВ.
ЭПОХА ПЕРЕМЕН
И ВРЕМЯ СТРАСТЕЙ

МАРИЯ СТЮАРТ,
СОПЕРНИЦА ЕЛИЗАВЕТЫ

Галимов Брючеслав
Мария Стюарт,
соперница Елизаветы
Серия «Вокруг Тюдоров. Эпоха
перемен и время страстей», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17011702

Аннотация

Роман «Мария Стюарт, соперница Елизаветы» является завершающим в авторской трилогии под названием «Вокруг Тюдоров. Эпоха перемен и время страстей». Мария Стюарт или Елизавета – кому из них будет принадлежать корона Англии? Кто заслуживает славу и почет, а кому уготована незавидная участь? Почему Елизавета отважилась принять жестокое решение? Противостояние двух незаурядных женщин, подковерные интриги и прочие страсти описываются автором с захватывающими подробностями. В трилогию Б. Галимова входят также следующие романы: «Измена Анны Болейн королю Генриху VIII» и «Заговор Елизаветы против ее сестры Марии Тюдор». Под пером Брючеслава Галимова сухие исторические факты приобретают совсем иное художественное воплощение.

Содержание

Часть 1. Посольский приём	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Брячеслав Галимов

Книга 3

**МАРИЯ СТЮАРТ,
СОПЕРНИЦА
ЕЛИЗАВЕТЫ**

Часть 1. Посольский приём

– Нет, я не надену накрахмаленную нижнюю юбку! Только шёлковую, – говорила Елизавета главной хранительнице королевского гардероба. – Да, крахмал хорошо поддерживает форму одежды; да, нам не требуется много времени на одевание, – но сколько других хлопот возникает с этими накрахмаленными вещами! Малейшее соприкосновение может оказаться губительным для накрахмаленной юбки, а на ветру она надувается, как парус, и трепещет, как свивальник... Шёлковую юбку, будьте любезны, она приятнее и удобнее. Шёлковую юбку с серебряным шитьем... Шёлк лёгок, как нежное прикосновение руки, он трепещет и изгибается, подобно девичьему стану в объятиях милого друга, – не так ли, дитя моё? – с улыбкой прибавила королева, обра-

щаясь к своей любимой фрейлине Джейн.

– Вы правы, мадам, – отвечала она, – шёлк очень приятен для тела.

– А насчёт милого друга? – продолжала улыбаться королева.

– Вы смущаете меня, мадам.

– Ну, ну, моя дорогая! – королева потрепала её по щеке. – Когда же нам посплетничать, как не за утренним одеванием? Тут все свои и мы можем не опасаться, что наши маленькие секреты станут известны двору... Что твой молодой джентльмен? Его зовут Энтони, кажется? Он тебе нравится, признайся?

– Но мадам, я не думала... – отвечала Джейн, но королева прервала её:

– Нижнее платье тоже шёлковое, белое, – сказала она главной хранительнице гардероба. – С серебром и синими камнями из Персии, – как они называются? Забыла...

– Так тебе нравится твой Энтони? – повернулась королева к фрейлине.

– Он вовсе не мой, мадам, – возразила Джейн.

– Да? Напрасно. Мужчины, которые нам нравятся, должны быть всецело нашими. Для этого не надо прилагать больших усилий, – ведь мужчины по природе своей удивительно просты и бесхитростны, и мы можем делать с ними всё что угодно. Просто мы, женщины, превозносим мужчин не по заслугам, а особенно тех, кого любим, – это у нас в кро-

ви... Верхнее платье из бархата, будьте любезны, – сказала королева главной хранительнице гардероба. – Нет, не это! Оно не подойдет к фижмам, в нём менее четырёх футов ширины, – его надо продать. За него можно назначить хорошую цену, правда? Платье, которое носила Елизавета, Божьей милостью правительница Англии, не может стоить дешево. А мне дайте другое, из красного бархата, прошитое золотой нитью. Да, да, это, оно сшито по новой моде: с буфами на плечах, с жёстким лифом и глубоким декольте... Глубокое декольте необходимо для дам, не отмеченных красотой, – с усмешкой произнесла королева, глядя на Джейн. – Оно притягивает взгляд мужчин, заставляя их забыть о наших недостатках.

– Но мадам...

– Не спорь со мной, моя милая. Мы с тобою некрасивы и знаем это. Ну и пусть себе красавицы, вроде моей кузины Марии, выставляют напоказ свою природную прелесть, которая досталась им даром и которой они не умеют толком распорядиться. А мы владеем настоящим искусством обольщения, и оно настолько же выше незатейливого обаяния красавиц, насколько звучный стих поэта выше грубой речи простолюдина... Ты читаешь по латыни, Дженни?

– Плохо, мадам.

– Надо учиться, дорогуша. Гораций, Вергилий, Овидий – боже, какое совершенство, какая глубина! Но помимо мудрых мыслей ты найдёшь в книгах древних авторов множе-

ство забавных и трогательных историй, вызывающих как слёзы, так и смех.

Очень хороша также французская литература. Читала ли ты Клемана Маро? Превосходный был поэт, с независимым умом, с пылким и горячим воображением, – а язык его образен и ярок. Маргарита Наваррская выпестовала Маро при своём дворе, – нет, это не жена нашего славного повесы Генриха, который тратит на своих любовниц деньги, что мы посылаем ему на борьбу с Католической лигой герцога Гиза. Мой астролог уверяет меня, что Генрих станет королем Франции, великим королем, и я не удивлена – Бог мой, у французов всё может быть! Представляю его на престоле, – что за комическое зрелище! – рассмеялась Елизавета. – Хотя следует признать, что сражается он храбро, да и народ его любит, как нам докладывают, – во всяком случае, не меньше, чем Генриха Гиза, и больше, чем Генриха Валуа, которого во Франции никто уже не считает королём. Пусть Господь поможет нашему Генриху, – в конце концов, не зря же мы потратили на него горы золота... Ай, ты уколола меня! – вскрикнула Елизавета, оттолкнув камеристку. – Надо быть осторожнее, когда одеваешь королеву!

– Мадам, ваше величество, – засуетились вокруг Елизаветы другие камеристки, – сейчас мы уберём булавку. Вот так. Позвольте продолжать?

– Конечно, продолжайте, – или вы хотите, чтобы я вышла к послу полуголой?... О чём мы говорили? – Елизавета по-

смотрела на Джейн.

– О Генрихе Наваррском, мадам.

– Да, о Генрихе. Его ветреную жену зовут Маргаритой, но такое же имя носила его достойнейшая бабушка. Она была католичкой, однако протестанты находили защиту и покровительство при её дворе. Так и должно быть, – не гнать же нам от себя иноверцев, если они приносят пользу стране? Мой отец, король Генрих – Царствие ему Небесное! – после разрыва с Римом убивал у нас католиков; моя старшая сестра, королева Мария – упокой, Господи, её душу! – убивала протестантов, – а у меня исправно служат и те, и другие... У Маргариты Наваррской был дар привечать таланты: многие поэты, литераторы, ученые стали известными благодаря ей, и Клеман Маро – один из них. Вот послушай, что он написал, когда в Лувре поставили статую Венеры:

Взгляните на мое прекраснейшее тело:

Я та, что яблоком раздора овладела.

Но чтобы сохранить божественную стать,

Обильных яств и вин не смею я вкушать.

Простите, сир, что я бесчувственна сверх меры:

Венера холодна без Вакха и Цереры.

Тонко подмечено, правда? Мы не можем позволить себе излишеств в еде и питье, дабы не утратить стройность фигуры, но подобные ограничения делают нас вялыми, слабыми и холодными, как лёд. Какое ужасное сочетание: прекрасное

тело, божественная стать – и бесчувственность! Быть может, оно подходит для мраморной статуи, но не для живой женщины из плоти и крови.

– К вам это замечание не относится, мадам. Вы ни в чём не ограничиваете себя, но вашей фигуре завидуют все молодые девушки при дворе, – сказала Джейн.

– Мне постоянно твердят это, – улыбнулась довольная Елизавета. – Мой отец был очень тучным, в старости он еле еле ходил, а я, как видишь, не такая. Наверное, я пошла в мать, но я плохо помню её: всего несколько эпизодов детства, какие-то игры, обрывки разговоров. Бедная леди Анна – она вознеслась на вершину власти вопреки своему желанию, а погибла вопреки своему положению. Когда её привели на место казни, она сказала: «Я прощаюсь с миром и от всего сердца прошу вас молиться за меня». После этого она упала на колени и до последнего повторяла: «Иисус, прими мою душу». Придворные сочинили историю, что леди Анна простила моего отца перед смертью, и даже приписывают ей льстивые слова о нём, сказанные на эшафоте, – но это неправда. Я знаю, что она не простила его: не отказывая себе в праве на любовь, он лишил этого права мою мать. Он отнял у неё жизнь, а достаточно было низвести леди Анну с престола. Обида была слишком велика, а как говорила Маргарита Наваррская: «Обида имеет больше власти над женщиной, чем даже любовь, особенно если у этой женщины благородное и гордое сердце». Боже, даруй вечное блаженство Анне

Болейн в твоих райских садах!.. Туфли с острыми носками и на высоком каблуке, – обратилась Елизавета к хранительнице гардероба. – Тупоносые туфли, которые так любила моя сестра Мария, мне кажутся уродливыми; хорошо, что мода на них прошла. И позовите моего парикмахера и хранителя драгоценностей... Так тебе Энтони пришёлся по сердцу? – Елизавета тронула фрейлину за подбородок.

– Я ещё не знаю, мадам.

– Ещё не знаешь? – прищурилась королева. – Да, наши симпатии бывают необъяснимыми и непредсказуемыми. Взять моего доброго, славного Дадли: я познакомилась с ним, когда ему было девять лет, а мне едва минуло восемь. Мы подружились и много времени проводили вместе, но понастоящему он стал мне дорог позднее, гораздо позднее.

– Вы говорите о графе Лестере? – переспросила Джейн, испугавшись чего-то.

– Да, теперь он граф Лестер, а тогда был просто Дадли... Но почему ты встрепенулась? А, ты вспомнила о его первой жене: у нас до сих пор болтают, что он сломал ей шею! Мой Дадли, мой добрый Дадли сломал её шею, – что за чушь! – сухо рассмеялась Елизавета. – Да он и цыплёнку шею свернуть не сможет; если в чём и можно упрекнуть его, так это в нерешительности. Как установили врачи, его жена страдала от неизлечимой болезни, при которой кости становятся такими хрупкими, что ломаются при малейшем сотрясении, даже при ходьбе. Бедняжка оступилась на лестнице и рас-

сыпалась, как разбитая фарфоровая чашка... Зачем Дадли убивать свою жену? Чтобы жениться на мне? Но мне не нужен муж: я обручена с Англией, я умру девственницей, не нарушив этого великого обета! – последние слова королева произнесла громко, на весь зал.

– Ваше величество! – присели в поклоне фрейлины и камеристки.

– Ты думаешь, я не могла удержать Дадли от этого брака, – не могла удержать и от второй женитьбы? – сказала королева уже тише. – Могла. Но я боялась его настойчивости, – он так сильно хотел, чтобы я стала его супругой, а мне было трудно противиться этим уговорам, я была сама к нему неравнодушна. Однако в наших отношениях никогда не было ничего вульгарного, какие бы сплетни не ходили при дворе. Я готова одаривать мужчин своим вниманием, если они того заслуживают, своими ласками, если мне этого хочется, – но не более того. Повторяю, я навсегда останусь девственницей, и ни один мужчина на свете не познает меня! А Дадли, граф Лестер... Что же он был, есть и будет моим хорошим верным другом. Сейчас появился ещё кое-кто... Но, т-с-с, идёт француз, парикмахер...

– Ну, как, ваше величество? – спросил парикмахер, закончив свою работу. – По-моему, вы очаровательны. Бриллиантовые подвески на ваших золотистых волосах озаряют сиянием всё вокруг.

– На рыжих, на рыжих волосах, месье! – улыбнулась Ели-

завета. – Такими они были у моего отца, покойного короля Генриха, такие они и у меня. Мне нечего стыдиться этого. Причёской я довольна, однако, может быть, её следует дополнить сеткой с золотой, нитью? А поверх надеть шапочку из ярко-красного бархата, – такого же, как платье, – и украсить белым пером?

– Ваше величество, разрешите мне почтительно возразить вам! – воскликнул парикмахер, приложив руки к груди. – Ваша высокая причёска «en raduette» придаёт вам роста, между тем, сетка и шапочка на волосах отнимут его у вас. Если вы соблаговолите прислушаться к моему совету, я бы оставил всё как есть.

– А ты что скажешь, Дженни? – обратилась королева к фрейлине.

– Я согласна с месье парикмахером, мадам. Вы неотразимы и привлекательны в этом уборе, – восхищенно произнесла Джейн.

– Когда женщина хвалит женщину, это подозрительно, – королева бросила быстрый взгляд на неё.

– Мадам! – вспыхнула Джейн.

– Я пошутила, моя дорогая. Я не сомневаюсь в твоей искренности... Что же, месье, припудрите, как следует, мои волосы и на лицо наложите слой пудры погуще; не забудьте прорисовать сосуды, чтобы подчеркнуть прозрачность кожи. Помаду на губы нанесите цвета сочной вишни; на щеках сделайте живой румянец, а родинки и мушки не ставьте, они

мне не подходят. Перчаток не надо, – все утверждают, что у меня очень красивые руки.

– Это правда, мадам, – в один голос сказали парикмахер и Джейн.

– Пусть господин посол удивится, когда королева выйдет к нему без перчаток. Но перстни я надену самые богатые, – да, да, вот эти, вы правильно выбрали их, милорд, – похвалила Елизавета хранителя королевских драгоценностей. – А какие духи вы мне посоветуете, месье? – спросила она парикмахера.

– «Дамасскую розу» и ничего другого! – вскричал парикмахер. – Немного за уши, немного на грудь. Если пожелаете, можно прикрепить ещё к поясу вашего платья флакончик с египетским мускусом. Это придаст особую пикантность запаху «дамасской розы», но не перебьёт её аромат.

– Ладно, так и поступим... Что же, заканчивайте поскорее, месье, – близится назначенный для приёма час. Не хотелось бы мне обижать господина посла ожиданием, – на губах Елизаветы промелькнула тонкая усмешка.

* * *

Придворные Елизаветы недоумевали, зачем их вызвали в Тронный зал: переговоры её величества с послом были секретным делом и велись обычно в присутствии наиболее приближенных к Елизавете лиц, но сегодня здесь было слишком

много народа.

– Её величество, королева Англии! – выкрикнул важный церемониймейстер, ударив тростью об пол.

Все опустились на колени и замерли; королева прошла к трону и заняла своё место.

Придворные поднялись, и по залу пронёсся шёпот: при Елизавете не было ни одной королевской регалии, а между тем, испанский посол прибыл во дворец с официальным визитом. Подобное пренебрежение этикетом могло означать одно из двух: либо Елизавета выказывает открытое пренебрежение послу, либо она, напротив, подчёркивает особо доверительные, дружественные отношения с ним. Последнее было маловероятным: все знали, что королева недолюбливает дону Бернардино, её возмущают интриги посла, направленные против неё, но ещё большее возмущение вызывает у Елизаветы политика испанского государя, которую тот ведёт в последнее время.

Назревал скандал. Придворные с нетерпением оглядывались на открытые главные двери зала и посматривали на стоящего около них церемониймейстера, который должен был известить о прибытии дону Бернардино. Наконец, церемониймейстер стукнул своей тростью и провозгласил:

– Его светлость дон Бернардино де Мендоса, полномочный посол его величества Филиппа Второго, короля Испании, Португалии, Неаполя, Сицилии, Нидерландов, верховного сюзерена Священной Римской империи, короля Вест-

Индии – и прочая, прочая, прочая!

Дон Бернардино вошёл в зал во главе своей свиты. Вид у него был надменный, губы презрительно сжаты, взгляд холоден. Покосившись на придворных Елизаветы, он на мгновение остановился, а потом дал знак своим свитским следовать за ним: если королева желает вести разговор при свидетелях, пусть будет так.

Посол прошествовал через весь зал, остановился перед тронным возвышением и поклонился королеве. Затем он поднял на неё глаза – и оцепенел. На голове Елизаветы не было короны, при королеве не было вообще никаких регалий, – мало того, её руки были обнажёнными, без перчаток! Лицо посла побагровело; он сделал движение, будто собираясь повернуться и уйти прочь, но сдержал себя и ровным голосом произнёс:

– Во здравии ли ваше величество?

– Благодарю вас, господин посол, – невозмутимо отвечала Елизавета. – А как здоровье вашего государя?

– Он здоров.

– А ваше здоровье?

– Оно могло быть лучше, если бы не постоянные заботы об укреплении союза между нашими странами, – сказал дон Бернардино, позволив себе выказать некоторое раздражение.

– Мы знаем, каковы они, эти ваши заботы, – с явной насмешкой проговорила королева.

– Я ценю ваше внимание, – смешался посол. – Но позвольте мне выполнить поручение моего государя, – сказал он через мгновение с прежней твёрдостью.

– Сделайте одолжение.

– Мой государь хотел бы получить разъяснения относительно некоторых действий вашего величества и ваших подданных, которые он полагает несовместимыми с отношениями союзников, коими считаются ваша и его державы, – строго и официально произнёс посол.

– Что же это за действия? – удивилась Елизавета.

– Я изложу по пунктам... Во-первых, вы поддерживаете врагов моего государя и врагов католической веры в Европе. В частности, деньгами и оружием вы помогаете мятежникам, которые восстали против нас и против святой римской церкви на Нижних Рейнских землях: в Голландии, Фландрии и прочих областях, по праву принадлежащих моему государю. Помимо этого, вы поддерживаете врагов апостолической веры в других странах, например, во Франции, где вы снабжаете всем необходимым войско нечестивого Генриха, короля Наваррского, – беспутного, развратного и богомерзкого человека, продавшего свою душу дьяволу.

Мой государь не намерен терпеть бесцеремонное, ничем не оправданное вмешательство в дела его державы, а также подлинную войну против святой римской церкви, которую вы фактически ведёте. Отступничество от истинной веры, которое произошло у вас, при вашем отце короле Генрихе,

достойно сожаления и не даёт вам повода для борьбы с апостολической церковью повсеместно. Должен вам напомнить, что мой государь, как и его достойные предки, является верховным покровителем римской церкви. Он не может допустить, – и не допустит! – её поругания, а тем более уничтожения истинной христианской веры, – дон Бернардино остановился, ожидая ответа Елизаветы.

Среди придворных прошло небольшое движение, десятки глаз устремились на королеву.

– Я внимательно слушаю вас, – бесстрастно сказала Елизавета.

– Во-вторых, – продолжал дон Бернардино, – ваши корабли постоянно нападают на наши суда, везущие груз из американских владений моего государя. Мало того, ваши подданные нападают и на наши города в Америке, разоряя и уничтожая их. В любой стране, по любым законам такие проступки называются пиратством и разбоем. Мой государь чрезвычайно поражён тем, что вы нисколько не стремитесь покарать преступников, – напротив, вы поощряете их к подобным злодеяниям и даже сами отправляете ваших подданных на разбой. Как это совместить с союзническими отношениями между нашими странами?

– Я вас слушаю, – повторила Елизавета.

– В-третьих, ваши агенты действуют при всех дворах Европы, даже в Московском царстве. Повсюду они привлекают людей, которые обеспечивают ваши интересы при этих дво-

рах, в ущерб интересам других государств, в том числе интересам Испании. Ваши купцы всеми способами завладевают внешней торговлей и денежными потоками известных нам стран, не допуская к ним прочих купцов. Из-за этого казна моего государя не получает той прибыли, которую должна была бы получать, – и это тоже несовместимо с союзническими отношениями, – дон Бернардино оглянулся на своих советников, они согласно закивали головами.

– Я вас слушаю, господин посол, – окликнула его Елизавета.

– Последнее, четвёртое, – дон Бернардино сделал паузу. – Моего государя сильно беспокоит судьба вашей кузины, королевы Марии...

– Чем же она беспокоит его? – живо отозвалась Елизавета.

– Мой государь опасается, что поместив королеву Марию в заточение, вы можете причинить ей затем более существенный вред, – многозначительно проговорил дон Бернардино.

– Я не ослышалась, вы сказали «поместив в заточение»? – спросила Елизавета. – Помилуйте, господин посол, она умоляла нас, чтобы мы предоставили ей убежище! Несчастливая женщина, первый муж которой умер, второй был убит, а третьему пришлось навсегда покинуть страну, – она, оказавшись без мужской поддержки, была так одинока... А я, всё-таки, её сестра, пусть и по линии дедушки, – к кому же было обратиться Марии, как не ко мне? Родственники должны помогать друг другу в беде.

– Однако вы всеми силами помогали её противникам в Шотландии, – возразил посол.

– Откуда у вас эти сведения? – с обидой воскликнула Елизавета. – Наоборот, я усмирила её противников. Они оставили мою сестру в покое, а её сына признали своим королём.

– Но вы заключили королеву Марию в замок.

– А вы бы хотели, чтобы я держала королеву на крестьянском дворе? Разве замок не подобает её положению? Она ни в чём не ведаёт нужды, живёт как подлинная королева, принимая гостей, устраивая пиры и театры. Иногда я просто завидую Марии, завидую её беззаботной жизни, – вздохнула Елизавета.

– Но вы приставили к ней стражу, – не унимался дон Бернардино.

– Охрану, господин посол, охрану! – поправила его Елизавета. – А как же иначе? Сколько людей было убито вокруг неё: муж, личный секретарь, другие достойные джентльмены, – а сколько раз жизнь самой Марии висела на волоске! Как же её не охранять?

– Так вы можете дать твёрдое обещание моему государю, что Марии ничего не угрожает? – спросил посол.

– От меня ей ничего не угрожает. Так можете и передать, – сказала Елизавета, выделив слово «от меня».

Придворные переглянулись и кто-то из них прошептал: «Велика милость королевы».

– Хорошо, с этим вопросом понятно, – согласился дон

Бернардино. – А что по другим?

– Начну с третьего. Он – доказательство вашей слабости, – голос Елизаветы внезапно стал жёстким. – В чём вы нас обвиняете? В том, что мы более предприимчивы, более трудолюбивы, более изобретательны? Кто мешает подданным вашего государя добиться влияния при европейских дворах, привлечь на свою сторону нужных людей и обеспечить себе преимущество в торговле? Мы с вами здесь в равных условиях, но мы идем вперёд, а вы отстаёте, – зачем же вы обвиняете в этом нас, а не себя? Или вы хотите, чтобы мы замедлили шаг, коли вы не можете идти быстро? Но в таком случае найдётся кто-нибудь ещё, кто обгонит и нас, и вас, кто не станет оглядываться на отстающих. Мы не хотим быть отстающими, поэтому останавливаться в угоду вам мы не будем, – и вы поступили бы точно так же, вырвавшись вперёд.

– Но... – хотел возразить посол.

– Я не закончила! – резко оборвала его Елизавета. – Второй вопрос – доказательство вашего лицемерия. Разве не вы с невероятной алчностью рыскаете по всему свету в поисках золота? Разве не вы истребили целые народы, чтобы завладеть им? Разве не вы узаконили жажду лёгкой наживы, презрев тяжкий, но честный труд, завещанный нам Богом? Ваш пример оказался таким заразительным, что теперь тысячи и тысячи алчущих хотят за один час добыть столько богатств, сколько им не заработать за всю жизнь. Как я, слабая женщина, могу справиться со многими мужчинами, одержимы-

ми идей быстрого обогащения? Мы издаём законы против пиратства, мы вешаем пиратов и разбойников, но их число не уменьшается. Сейчас есть лишь один способ одолеть разбой – взять его под контроль. Если бы я не сделала этого, ни один ваш корабль не смог бы благополучно вернуться домой и все ваши поселения в Америке были бы уже стёрты с лица земли, – можете не сомневаться!

– Но... – хотел возразить посол.

– Не смей перебивать королеву! Я слушала вас внимательно! – крикнула Елизавета. – Первый ваш вопрос – доказательство вашего ханжества. Вы хотите уверить нас, что боретесь за святость, вы хотите доказать, что продолжаете дело Спасителя? Ваши слова просто чудовищны. Сколько христиан вы истребили, прикрываясь именем Христа? Когда Генрих Наваррский приехал в Париж на свою свадьбу, вы в одну ночь убили семь тысяч его сторонников, которые знали и почитали Евангелие лучше, чем ваши паписты, – а по всей Франции в течение следующих семи дней было убито двадцать тысяч протестантов.

Двадцать семь тысяч человек за неделю, – не в войне, не при нашествии свирепых турок, а в мирное время, в ходе безжалостной резни христиан – мужчин, женщин и детей, – которую вы устроили! И вы смеете после этого попрекать нас тем, что мы помогаем Генриху? Да если бы он был даже язычником, ему следовало бы помочь из одного лишь сострадания! Однако он не язычник, а истинный последова-

тель учения Спасителя, – в отличие от тупых и бесчеловечных Гизов, которым вы присылаете своих солдат и своё золото.

Можем ли мы не помогать ему, нашему брату по вере, можем ли мы не помогать и другим нашим братьям и сёстрам, которых вы уничтожаете так усердно, что земли Фландрии и Голландии, некогда процветающие, превратились благодаря вашим стараниям в безлюдную выжженную пустыню... Вы обвиняете нас во вмешательстве во внутренние дела вашего государя? – Елизавета зло улыбнулась. – Не вам об этом говорить! вспомните, сколько заговоров вы устроили в нашей стране с тех пор как при короле Генрихе мы приняли евангелическую веру; скольких людей вы погубили, когда королева Мария отступила от этой веры, а ваш нынешний государь Филипп, бывший тогда её мужем, поощрял Марию к казням наших добрых протестантов!

Среди придворных при этих словах королевы раздались возмущенные восклицания. Дон Бернардино презрительно усмехнулся, не повернув головы в ту сторону.

– Да надо ли углубляться в прошлое, чтобы найти примеры вашего вероломства? – продолжала Елизавета. – Сколько заговоров вы лично устроили против меня, господин посол? Я знаю о трёх, но ведь их было больше? Вы пытались поднять против меня моих подданных, вызвать волнения в стране, свергнуть королеву и, возможно, убить её, – не так ли? Отвечайте!

Придворные Елизаветы зашумели и двинулись к послу. Люди из его свиты схватились за шпаги.

– Бернардино де Мендоса рожден не возбуждать волнение в странах, а завоевывать их! – гордо проговорил посол.

Елизавета подняла руку, призывая придворных к порядку.

– Вы можете оправдать своё предназначение где угодно, но не у нас, – сказала она, обращаясь к дону Бернардино. – Мы не хотим более видеть вас, извольте покинуть нашу страну.

– С большим удовольствием, – сквозь зубы процедил дон Бернардино. – Прикажете передать моему государю всё что вы сегодня говорили?

– Как вам будет угодно.

– Я передам ему ваши слова точь-в-точь, – с угрозой произнёс посол.

– Как вам будет угодно, – повторила Елизавета. – Я вас не задерживаю.

Посол коротко поклонился королеве, стремительно развернулся и пошёл к выходу из зала. Люди из его свиты поспешили за ним, по-прежнему держась за шпаги и озираясь по сторонам.

Подождав, когда испанцы выйдут, Елизавета встала с трона и приказала всем удалиться.

– Сэр Уильям и сэр Френсис, задержитесь! – прибавила она. – Мне надо поговорить с вами. Пойдёмте в зал Совета.

Зал Королевского Совета был существенно перестроен за последние годы. При Генрихе здесь всё было проще и грубее: два громадных, топившихся толстенными бревнами камина стояли у внешней стены зала, трубы от них выходили на улицу прямо через эту стену; узкие и длинные, похожие на бойницы окна размещались высоко над полом, в их свинцовые рамы была вставлена слюда, которая даже в ясный летний полдень пропускала призрачный свет; гобелены, висевшие на трёх внутренних стенах, поражали своими гигантскими размерами, но рассмотреть что-либо на них было невозможно из-за многолетнего слоя копоти, – по той же причине нельзя было различить рисунки на потолке.

При Елизавете свинцовые рамы заменили на деревянные, вставив в них прозрачное венецианское стекло; камины переместили к внутренней стене, уменьшив их размеры и выведя трубы через потолок, – печники, достигшие значительного успеха в своём ремесле, теперь умели это делать, – кроме того, камины перестали коптить, что позволяло украсить зал, не боясь сажи. Потолок покрыли гипсовой лепниной с геометрическим фигурами и цветочным орнаментом; панелями из светлого дуба закрыли стены, а их стыки были спрятаны под изящными пилястрами; над порталом с креслом королевы был помещён расписанный яркими красками герб

королевской династии, – на нём, в сине-белом поле переплелись в объятиях красного дракона алая и белая розы.

Этот герб избрал себе Генрих Седьмой, дедушка Елизаветы, первый король династии Тюдоров; он пришёл к власти после долгой междоусобицы, в которой одни дворяне сражались под знаком Алой розы, а другие – под знаком Белой. Оба враждующих лагеря воевали с таким усердием, что почти полностью истребили друг друга, а заодно до основания разорили страну. Дедушка Елизаветы сумел выплыть на волне этой смуты и добыть королевскую корону; злые языки утверждали, однако, что новый король происходит из рода свинопасов. Герб должен был опровергнуть эти сплетни: красный дракон был древним знаком рода Тюдоров, – этот род владел обширными землями в стране, когда тут ещё не было ни англов, ни саксов, ни норманнов; а переплетённые в лапах дракона алая и белая розы напоминали о том, что знатные семейства Англии, дотоле смертельно враждовавшие друг с другом, примирились именно под властью Генриха Тюдора.

– Мой царственный брат Филипп хочет разорвать переплетённые розы, – сказала Елизавета, усаживаясь в обитое шёлком кресло и взглянув на герб. – А пуще того, ему хотелось бы сжечь их и развеять пепел по ветру. У него прямо страсть какая-то сжигать всё и всех.

Сэр Ульям позволил себе улыбнуться:

– Это болезнь, ваше величество.

– Вы думаете, милорд? – засмеялась Елизавета. – Может быть, может быть... Рассказывают, что будучи ребёнком, Филипп сжигал на кострах кошек и собак, – а когда вырос, принялся за людей. Однако по его виду не скажешь, что он жесток: у него приятная внешность, любезное обхождение, учтивая речь. Не говорю уже о его образованности: он перечитал все сколь-нибудь известные книги, знался с лучшими умами Европы, ему посвящали свои труды ученые и писатели. Помню, когда он женился на моей сестре Марии и приехал жить к нам, я была потрясена глубиной его суждений; я не знала и сотой доли того, что знал он. Вот и решайте после этого: то ли болезнь порождается высоким умом, то ли высокий ум порождается болезнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.